

II

РОДИТЕЛИ ТРУМПЕЛЬДОРА

Отец Трумпельдора — Вольф умер глубоким стариком, лет 85, в начале этой войны, не повидав перед смертью сына своего Осю, который в это время находился в Галлиполи. Не знаю, знал-ли этот милый старик о том, что его гордость, его Ося — капитан английской службы и стоит во главе еврейского легиона. Когда я вернулся осенью 1915 г. в Россию, я уже не застал старика в живых.

Вольф Трумпельдор — выходец из Польши. Попал на Кавказ, как солдат, еще во времена Николая I, и вместе с другими завоевывал Кавказ для русского царя. Третью своей длинной жизни отдал он царской службе и «отечеству», много мук принял на военной службе, как еврей, но веру свою сохранил. А соблазн отступничества был велик. Ему за крещение сулили большие блага: офицерский чин, хорошее место, обеспечение детей и проч. К тому, что он терпел от начальства, прибавились еще

настояния жены — матери Иосифа, — чтобы он отрекся от еврейской религии. Но он устоял и против этого давления и сохранил веру своих отцов. До конца дней своих он остался глубоко религиозным, несмотря на весь свой «гойский» дом, заведенный его женой Федосией. Он, как полагается, трижды в день молился, по субботам не работал, посещал синагогу, соблюдал еврейские посты. Но своих детей воспитывал не он, этим делом занималась жена. Выйдя в отставку в чине военного чиновника с мундиром, он поступил фельдшером в еврейскую больницу в Ростове н/Дону, где и работал до глубокой старости.

Любимым сыном его был маленький Ося; в нем он всегда встречал поддержку в «борьбе» по вопросам о кошер в доме и пр. Маленький Ося всегда принимал сторону отца, ибо, как он сам об этом рассказывал, он с детства чувствовал какую-то потребность в религии. Отец, очевидно, чуял в своем сыне своего продолжателя и посвятил ему гораздо больше внимания, чем другим детям; отдал его даже в хедер, где, впрочем, мальчик пробыл всего одно полугодие. Но этот короткий промежуток был для ребенка целым событием. В хедере он впервые узнал об еврействе, узнал от «ребенка», что «Адам и Ева были евреями», что Самсон-

богатырь также был еврей, что еврейский народ когда-то имел свое государство и называлось оно Эрец-Исраэль, что Давид-пастух, победивший Голиафа, был сын еврейского земледельца—значит и у евреев были земледельцы. Мальчик все это жадно впитывал в себя. Хедер имел на маленького Трумпельдора влияние еще в одном направлении, — и, может быть, даже не столько сам хедер, сколько сорванцы из хедера. Под влиянием их насмешек над тем, что у его отца и матери в доме на Пасху не кошер, он устраивает своей матери форменную «революцию» —, понятно, при поддержке отца, — и заставляет ее не только купить мацу, но и переменить прежнюю хомецную посуду на пасхальную. Эту «победу» свою он одержал, когда ему было 7 лет, и сумел закрепить ее навсегда. После этого отец полюбил его еще больше прежнего, найдя в Осе свое утешение. И действительно, он имел от мальчика много радости. Ося учился на пятерки, кончил отлично городское училище, выдержал экзамен в реальное, но не попал в процентную норму. Мать тогда настаивала на крещении, но маленький Ося — уже «сознательный националист» — категорически отклоняет предложение матери, к великой радости отца.

У старика Трумпельдора были свои пред-

ставления о добре и зле, о праве и морали. Когда он получил известие, что его Иосиф получил первую военную награду за боевое отличие, он написал ему полное старческой мудрости письмо. Он убежден,—писал он,—что это лишь первый шаг Оси на войне. Пусть-же он знает, что в военном деле важен не только первый момент, когда солдат молод и горяч; по мере того, как воин становится старше, его горячность должна остывать, и он должен думать о том, чтобы сохранить свою жизнь — и чужую. Ибо еще древние говорили, что побеждает не тот, кто безрассудно расходует людей, а, наоборот, тот, кто умеет сохранить резерв, чтобы в нужный момент поддержать передовой отряд. Пусть он помнит это, и пусть помнит также, что он — еврей. Второе письмо прислал старик любимому сыну, когда мы уже были в Японии, в плену, когда тот уже потерял в Порт-Артуре руку и был награжден чином и отличием. Отец писал ему, что он по газетам узнал о подвиге сына и его отличиях. Конечно, это для него большая радость, и он верит, что сын его настолько энергичен и силен, что дух его останется крепок и что он будет достоин своих славных предков.

В то время, как отец Трумпельдора упорно именовал себя Вольфом, мать его величилась

Федосией. Федосия Моисеевна была второй женой у Вольфа Трумпельдора. Кроме Иосифа у них было еще несколько сыновей и дочерей, но все они, кроме него, воссали в себя отрицательное отношение к еврейству, особенно к национальному, не знали его и не хотели знать. Они учились в русских школах, возвращались среди русских, а если и среди евреев, то только среди ассимилированных или крещенных. Старшая дочь крестилась; другая дочь вышла замуж за студента, который, чтобы поступить в университет, тоже отрекся от еврейства. Вообще в семье матери Трумпельдора было много крещенных; это считалось здесь делом весьма простым и обыденным. Но совершенно иначе, конечно, смотрел на это Иосиф. Брат его, которого он, между прочим, очень любил, жил много лет в Париже и после 1905 г. вернулся в Россию и поселился в Петербурге. Иосиф был этому очень рад, но... у брата жена была не-еврейка, и этого достаточно было, чтобы он отнесся к нему сдержанно и редко посещал любимого брата.

Федосию Моисеевну довелось мне видеть в то время, когда Трумпельдор уже находился в Палестине (1912 г.), работал в колонии Мигдал и писал оттуда свои замечательные письма, которые, к сожалению, пропали. Мать при-

ехала в Петербург повидать своего второго сына и сочла своим долгом познакомиться с товарищами Осн. Предо мною предстала довольно пожилая, стройная, высокая, красивая женщина. Говорила она чистым русским языком. О «своем Иосифе» говорила с большой любовью. Мечтала поехать в Палестину и жить вместе с ним в колонии: хозяйство она знает, работать умеет, — и теперь она уже не «ассимиляторка». Правда, раньше она была далека от всего еврейского, но теперь все это прошло. Повлиял на нее, — говорила она, — Иосиф. Она даже старается теперь говорить по еврейски (идиш) и молиться умеет. Она на все готова, лишь бы жить около сына в Палестине, в его «коммуне». Одним словом — она «каялась».

Такова была та атмосфера и та среда, в которой рос Трумпельдор. Откуда, из какого источника, почерпнул он свое яркое и напряженное еврейское чувство? Из хедера? Но из хедера он не вынес хороших воспоминаний, да и не мог он вынести ничего отрадного из этой «жесткой, окаменелой школы», как он сам часто выражался. Влияла на него «улица»? Но улица в Ростове была русская. Повидимому, один только старик-отец своей религиозностью и своей неискоренимой привязан-

ностью к еврейству был для маленького Ося источником сначала неясных, но потом все более крепнувших еврейских настроений. Немалую роль сыграли и книги, которые находил он у отца, — об испанской инквизиции, о Иуде Маккавее, Бар-Кохбе, о Самсоне, о Иегуде Галеви, о Палестине и об «Израильском царстве» и т. п.

Из хедера, в котором он проучился очень мало, Ося перешел в городское училище, в котором он, однако, жил одинокой, обособленной жизнью. Несмотря на свою всегдашнюю готовность делать для других все возможное, он не сблизился ни с кем из своих школьных товарищей: слишком велика и резка была разница между ним и его соучениками. Он жил уединенно, замкнуто, в своем мире фантазий, мало соприкасаясь с реальной жизнью, и это развило в нем чувство и воображение в непомерной степени, особый идеализм и веру в людей. Вот почему он впоследствии так часто обманывался в людях.

Окончив городское училище, он дальше продолжать свое образование не мог, так как не попал в норму и не был принят в реальное училище. Но выбрать себе профессию было все же необходимо. И он остановился на зубо-врачевании. Его старший брат был зубным

врачем, и к нему Ося поступил в обучение. Он очень скоро освоился со своей профессией, начал зарабатывать и стал самостоятельным. Вместе с этим он упорно продолжал свое самообразование.

В этот свой юношеский период он наткнулся на сочинения Льва Толстого. Они произвели на него огромное впечатление и стали предметом глубокого увлечения. Он запоем читает и перечитывает Толстого; учение это целиком поглощает его мысль и чувство, открывает перед ним новый мир, — мир добра, человеческой справедливости и самосовершенствования. Юноша Трумпельдор счастлив, ему кажется, что он нашел себя, и он становится убежденным «толстовцем». Перестает есть мясо, не курит, не пьет, даже почему-то сахару не употребляет; непрестанно работает он над собою, чтобы довести себя до идеала, до совершенства. Сравнивая свою жизнь и воспитание с учением Толстого, он приходит к выводу, что господствующая система домашнего и школьного воспитания коверкает людей, извращает их, и что только идеи Толстого могли бы быть спасительным средством против всего зла, которое имеется в современном обществе. Отсюда его непрестанные мечты о переустройстве общества на новых началах.

Вскоре, однако, юноша-Трумпельдор начинает находить уязвимые места и в толстовстве, и первой брешью оказывается — еврейский вопрос.

— Ведь Толстой — христианин, и почти все его адепты — христиане, между тем ни он сам, ни его последователи ничего не предпринимают против еврейских гонений и погромов. Когда обращаются к Толстому по этому вопросу, он отвечает как-то не прямо, словно неохотно, неопределенно. Значит и тут не все благополучно? . .

Все больше начинает юноша-Трумпельдор задумываться над еврейским вопросом и над положением еврейства среди народов. Решающую роль в его жизни сыграл 1897 год, когда прозвучал по всему еврейскому миру голос Герцля. Лозунги — «Еврейское государство», «Эрец-Исроэль», «освобождение из голуса» — находят в молодом Трумпельдоре, с его жаждой осмысленной жизни и с его национально-еврейскими порывами, глубокий отклик. Он отныне весь отдается сионистскому движению. много читает о еврействе и сионизме, следит за конгрессами, изучает еврейскую историю, входит в сионистскую жизнь. В то время, как в своем толстовстве он был не деятелен, он в сионизме сразу становится активным работ-

ником: организовывает сионистский кружок в Пятигорске и становится его председателем. Пятигорск входил в Екатеринославский район, уполномоченным которого был тогда М. Усышкин, «человек железной воли и энергии», а энергию и волю Трумпельдор уже тогда ставил выше всего на свете. К этому времени ему уже было 20 лет; он получил диплом дантиста, сдав экзамен при казанском университете.